

Глава 5. Первое правило

Слово «правила» повисло в идеальной тишине стеклянного куба.

Мне показалось, что воздух в кабинете стал плотнее, словно система вентиляции 99-го этажа внезапно перестала качать кислород, заменив его густым, вязким напряжением. Хоумлендер не моргал. Его лицо, секунду назад выражавшее мрачное удовлетворение от моей вынужденной честности, застыло.

Я чувствовал, как пульсирует кровь в висках, но заставил себя не отводить взгляд. Это был момент, когда всё могло закончиться. Одно неверное движение его мысли, одна вспышка раздражения — и от меня останется лишь темное пятно на безупречном ковре Vought.

Но вместо того, чтобы испепелить меня на месте, Хоумлендер вдруг склонил голову набок. Как орнитолог, обнаруживший, что лабораторная птица умеет не только биться о прутья клетки, но и выстукивать клювом азбуку Морзе.

— Правила, — медленно, пробуя каждый слог на вкус, повторил он. В его голосе не было ярости. Только глубокое, почти гипнотическое любопытство. — Ты хочешь установить правила. Для меня.

— Для нас обоих, — поправил я, тщательно контролируя ровность тона. — Односторонние требования — это диктатура. А мы, как я понял, пытаемся выстроить рабочий процесс, основанный на честности.

Хоумлендер тихо рассмеялся. Это был сухой, скрежещущий звук, от которого волосы на затылке встали дыбом. Он сделал медленный шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума. От его красно-синего костюма пахло озоном и какой-то синтетической чистотой, скрывающей металлическую ноту крови.

— Ты действительно сумасшедший, Эван, — произнес он с ноткой странного, извращенного восхищения. — Стилвелл плела интриги за моей спиной. Эдгар сыплет корпоративными угрозами, прикрываясь бумажками. А ты стоишь здесь, пахнешь так, будто у тебя сейчас остановится сердце от ужаса, и пытаешься диктовать мне условия в лицо.

Он навис надо мной.

— Ну давай. Просвети меня. Какие у нас «правила»?

Я сделал глубокий вдох, не отступая ни на миллиметр. Если я прогнусь сейчас, всё предыдущее признание не будет иметь смысла.

— Первое. Вы предупреждаете, прежде чем прикоснуться ко мне, — сказал я.

Брови Хоумлендера поползли вверх.

— Я не могу мыслить аналитически, когда мой организм находится в состоянии паники, — продолжил я, включив режим профессионального спин-доктора. — Физический контакт без предупреждения запускает реакцию «бей или беги». Вы сами слышите, как колотится мое сердце. Если вы хотите, чтобы я был вашим лучшим советником, мне нужен работающий мозг. Вы не сможете использовать меня эффективно, если я буду постоянно ждать удара.

Хоумлендер смотрел на меня несколько секунд, а затем медленно, демонстративно поднял руку в красной перчатке. Он поднес ее к моему плечу, остановив пальцы в сантиметре от ткани пиджака. Я чувствовал тепло, исходящее от его ладони.

— Я собираюсь положить руку тебе на плечо, Эван, — прошептал он с издевательской заботой.

— Я понял.

Его ладонь опустилась. Тяжелая, как свинцовая плита. Пальцы слегка сжались, не причиняя боли, но давая ясно понять, что могут раздробить ключицу одним неумовленным усилием.

— И как? Твой мозг всё ещё работает? — насмешливо спросил он, не убирая руки.

— Работает. Спасибо, — сухо ответил я, игнорируя тошнотворное чувство беспомощности. — Второе правило. Никаких физических угроз во время работы. Когда я анализирую для вас кризис или пишу стратегию, я должен быть уверен, что меня не выбросят из окна за плохие новости. Вы наняли специалиста, а не мальчика для битья. Если я ошибусь — увольте меня. Но пока я выполняю свою работу, дайте мне её делать.

Хоумлендер задумчиво постучал указательным пальцем по моему плечу.

— Если ты ошибешься, Эван, увольнение будет твоей наименьшей проблемой, — мягко заметил он. — Но логику я уловил. Ты хочешь иллюзию безопасности, чтобы лучше соображать. Забавно. Что-то еще? Или твой список окончен?

— Третье. Стук в дверь, — твердо сказал я.

Хоумлендер замер. Затем он медленно убрал руку с моего плеча, отступил на полшага и обвел взглядом кабинет. Абсолютно прозрачные стеклянные стены. Отсутствие жалюзи. Видимость на триста шестьдесят градусов со стороны коридора.

Он посмотрел на меня так, будто я только что сморозил величайшую глупость в истории.

— Стук. В дверь. В стеклянном аквариуме, который я могу прожечь взглядом, даже не моргая?

— Это вопрос границ, а не физической преграды, — невозмутимо пояснил я, хотя внутри всё сжалось. — Это мой кабинет. Моё рабочее пространство. Я не прошу вас ждать разрешения войти. Я прошу вас просто обозначить свое присутствие до того, как вы окажетесь у меня за спиной. Это элементарное уважение.

Хоумлендер шагнул к стеклянной перегородке. Он поднял руку и костяшкой пальца ударил по толстому пуленепробиваемому стеклу. Тук. Звук получился глухим, но от силы удара стекло едва заметно завибрировало.

Он повернулся ко мне, на его губах играла хищная полуулыбка.

— Знаешь, почему я соглашусь на этот бред, Эван? — спросил он, и в его тоне скользнуло нечто пугающе интимное. — Потому что это не приказ Эдгара. Эдгар бы никогда не додумался просить меня стучать в дверь. Это твои правила. Твоя маленькая, отчаянная попытка очертить территорию.

Он подошел ближе, его плащ тихо шелестнул.

— Я дам тебе одну неделю. Ровно семь дней. Я буду предупреждать, прежде чем трогать тебя, не буду угрожать тебе лазерами, пока ты печатаешь свои умные отчеты, и даже, так и быть, постучу по этому стеклу. Посмотрим, насколько хорошо сработает твоя хваленая «абсолютная честность» в таких тепличных условиях.

Я не позволил себе выдохнуть с облегчением. В его согласии не было уступки. Для него это была игра. Новая форма развлечения. Он принял правила не потому, что уважал мои границы, а потому, что ему было интересно посмотреть, как я буду барахтаться внутри них. И всё же, это была победа. Крошечная, локальная, но моя.

— Договорились, — кивнул я.

— Но, — голос Хоумлендера внезапно стал жестким, срезая мою внутреннюю уверенность под корень. — Если мы играем в твои правила, мы играем и в мои.

Он навис надо мной, заполняя собой всё пространство, перекрывая свет от ламп.

— Ты работаешь на меня. Только на меня. И это значит, что я могу позвонить тебе в любое время дня и ночи. И ты ответишь. Ты возьмешь трубку после первого же гудка.

Я нахмурился. Моя работа заключалась в решении кризисов, и ненормированный график был для меня нормой, но то, как он это сформулировал, звучало как требование абсолютного владения моим временем.

— Если это касается работы или экстренной ситуации — разумеется. Я всегда на связи, —

осторожно ответил я.

— Нет, Эван, — Хоумлендер наклонился так близко, что я почувствовал запах его дыхания — мятный, стерильный. — Если это касается меня. Если я захочу поговорить о том, как прошел мой день. Если мне будет скучно. Если мне просто захочется услышать твой спокойный, ровный голос, который так отчаянно пытается скрыть страх. Ты ответишь.

— Я не психоаналитик на круглосуточном дежурстве, — упрямо возразил я. Игнорируя инстинкт самосохранения, я посмотрел ему прямо в глаза. — Мне нужно спать. Мне нужно выходить из этой башни. Если у меня не будет личного времени, чтобы восстанавливаться, моя ценность как советника упадет до нуля. Я буду брать трубку по рабочим вопросам и кризисам. Но я не отдам вам всё свое свободное время. Иначе через месяц вы сами выбросите меня на помойку из-за профнепригодности.

Хоумлендер долго молчал. Его челюсть напряглась, в глазах мелькнула опасная красная искра, готовая разгореться. Отказ был для него физически невыносим. Но моя аргументация снова опиралась на ту самую эффективность, которую он сам же от меня требовал.

Медленно искра погасла. Он усмехнулся — холодно, без малейшего следа веселья.

— Личное время, — протянул он, как будто это словосочетание казалось ему смешным. — Хорошо, Эван. Оставим тебе твою иллюзию свободы. Посмотрим, как сильно она тебе поможет.

Он отвернулся, и давление в комнате мгновенно спало. Хоумлендер направился к выходу из кабинета, но у самых дверей обернулся.

— Не забывай, кто кому делает одолжение, — бросил он через плечо и вышел, растворившись в коридорах Vought.

Вечерний Нью-Йорк встретил меня какофонией звуков и запахов, которые никогда не проникали на 99-й этаж Башни. Вой сирен, гудки машин, запах жареного арахиса, выхлопных газов и остывающего асфальта.

Я шел по улице, чувствуя себя так, словно только что выбрался из центрифуги. Тело всё ещё было напряжено, мышцы спины ныли от многочасового ожидания внезапного удара.

Я не поехал домой. Мне нужно было буферное пространство между стерильным адом Vought и моей квартирой. Место, где нет бронированных стекол и корпоративных тайн.

Я свернул на Восьмую авеню и зашел в старый, затертый дайнер, который выглядел так, будто не менял интерьер с девяностых годов. Заказал самый дешевый, пережаренный черный кофе и сэндвич с индейкой, который на вкус напоминал картон. Это было идеально. Это было по-человечески. Никаких сверхлюдей. Никаких богов. Только усталая официантка с бейджилом

«Мария» и пьяный клерк в углу, спящий лицом на столе.

Я сидел в кабинке у окна, глядя на проходящих мимо людей, и методично прокручивал в голове события дня.

Соглашение было заключено. Я очертил границы и заставил самого неконтролируемого супера на планете признать их, пусть даже в виде временной игры. Он согласился на правила. Но его встречное требование... Эта фиксация на моем присутствии. Он не просто забрал меня из отдела антикризисных коммуникаций. Он изолировал меня. Он отрезал меня от корпоративной структуры, сделав своей личной собственностью.

Я вытащил из внутреннего кармана пиджака тяжелый защищенный планшет, выданный Эшли, и положил его на стол рядом со своим обычным телефоном. Черный монолит, символ моего нового статуса. Орудие моего выживания.

Кофе был горьким и отвратительным. Я сделал глоток и откинулся на спинку скрипучего дивана. Впервые за день пульс опустился до нормальных значений. Иллюзия свободы, как сказал Хоумлендер. Возможно, он был прав. Но прямо сейчас мне нужно было вцепиться в эту иллюзию обеими руками, чтобы не сойти с ума.

Стрелка часов на стене дайнера перевалила за одиннадцать вечера. Пора было ехать домой.

Я потянулся за бумажником, чтобы оставить чаевые, когда по столу прошла глухая вибрация.

Я замер. Мой личный телефон лежал темным прямоугольником. Вибрировал защищенный корпоративный планшет.

Экран вспыхнул. На нем не было номера, имени или даже иконки звонка. Только мерцающая зеленая полоса приема вызова.

Сердце, только что успокоившееся, снова ударилось о ребра с такой силой, что стало больно.

Я не отдам вам всё свое свободное время.

Оставим тебе твою иллюзию свободы.

Я смотрел на мерцающий экран ровно три секунды, прежде чем протянуть руку и нажать на зеленую полосу. Я не мог не ответить. Мы оба это знали.

— Слушаю, — ровно произнес я, поднося устройство к уху.

Шум дайнера, звон посуды и гул улицы словно отрезало невидимой стеной. В динамике была

абсолютная, кристально чистая тишина, сквозь которую прорвался до жути знакомый голос. Спокойный, почти домашний.

— Почему ты ещё не дома, Эван?

Кровь застыла в жилах. Я перевел взгляд на окно дайнера, вглядываясь в темнеющие силуэты высоток, в небо, разорванное светом неоновых реклам.

Он не спрашивал, где я. Он знал, что меня нет в моей квартире. И его голос звучал так, будто он стоял у меня за спиной.

<http://bllate.org/book/18410/1759045>